

— Эй, эй, ты можешь быть хоть немного логичным? У тебя лицо, которое привлекает всех, а ты не позволяешь мне передавать их чувства.

Чжун Кайфань скрыл улыбку, но сохранил строгое выражение лица:

— Если хочешь, собирай их сам, мне они не нужны.

— Старый консерватор, — Чжун Цань сложил руки в молитвенном жесте, но не упустил возможности подколоть брата.

В то время Чжун Кайфань мог поступить в Цинхуа. Чжун Динхэн в душе очень ценил образованных людей. Хотя он чувствовал себя виноватым перед старшим сыном, он всегда гордился им.

Всё испортилось летом, когда Чжун Кайфань был в выпускном классе.

Он записался в кружок уличных танцев и там познакомился с Линь Юанем.

Чжун Цань впервые увидел, как его брат и Линь Юань целовались в танцевальной студии, и побледнел от страха.

— Брат, ты что, это... — Чжун Цань не мог сразу подобрать слова, нервно почесал голову и, наконец, выдал:

— Это причина, по которой ты не принимаешь любовные письма?

Линь Юань тогда был худым, бледным, примерно такого же роста, как Чжун Цань, но его лицо было слишком красивым, а в глазах скрывались звезды и океан.

Чжун Цань считал, что не имеет предубеждений, но его слова были острыми:

— Ты мог бы хотя бы полюбить девушку! Что это за красавчик? Ты с ума сошёл!

Чжун Кайфань молчал, одной рукой держась за перила, его пальцы побелели. Спустя долгое время он наконец произнёс:

— Не говори дома.

Чжун Цань схватил его за воротник и потряс:

— Ты просто играешь, да? Ты просто играешь, правда?

Но даже он сам не верил в это.

Он знал своего брата. Тот был дотошным в любом деле и мог довести до совершенства то, что любил. Однажды Чжун Кайфань увлёкся пазлами и провёл всё лето, собирая набор из восьми тысяч деталей.

— Не спрашивай меня, — Чжун Кайфань отстранил его руку, его юношеская спина была тонкой, но в солнечном свете казалась особенно упрямой. — Каково это — любить человека?

— Откуда я знаю? Я не получал столько любовных писем! — Даже такой воспитанный человек, как Чжун Цань, не смог сдержать ругательства.

Чжун Цань был в полном недоумении. В их семье, кроме развода родителей, не происходило ничего странного. Почему его брат стал таким?

— Это он тебя соблазнил? — Чжун Цань потянул брата, чтобы уйти отсюда. — Какая неудача.

Чжун Кайфань разозлился:

— Не говори так о нём.

— Эй, Чжун Кайфань! Брат! — Чжун Цань побледнел от злости и, указывая на его грудь, сказал:

— Ты ещё и защищаешь его?

Чжун Цань за всю свою жизнь никогда не видел, чтобы его брат кого-то защищал.

Чжун Динхэн никогда не баловал детей. Если они хотели куда-то поехать, они должны были сами найти способ. У каждого был свой велосипед. Седло велосипеда в сарае нагрелось на солнце. Чжун Цань выкатил свой и с подозрением спросил:

— Сколько раз?

— Сколько раз что? — Чжун Кайфань спокойно смотрел, но было видно, что он немного зол.

— Сколько раз я видел это сегодня? — Чжун Цань закатил глаза и, указывая на Чжун Кайфаня, сказал:

— Я просто не могу с тобой разговаривать.

Закат удлинял тени, земля была раскалённой, листья камфорных деревьев блестели. Вдалеке звучала музыка поливальной машины, а стая голубей издавала мелодичные звуки, возвращаясь домой в лучах заката.

Это было летом 2002 года.

— Только один раз, — Чжун Кайфань честно признался.

Чжун Цань облегчённо вздохнул и, похлопав себя по груди, сказал:

— Тогда всё в порядке, у тебя ещё есть шанс стать нормальным!

Чжун Кайфань не ответил, сел на велосипед и исчез за углом.

— Подожди меня!

Чжун Цань побежал за ним.

В то время в Пекине никто не думал, что отношения между мальчиками могут быть такими. Но, если подумать, семья Чжун добилась такого успеха в сфере недвижимости, что о ней знали. Разве кто-то мог игнорировать Чжун Кайфаня? Тем более, он сам был достаточно талантлив.

Поэтому Чжун Цань считал, что его подозрения не были безосновательными.

Когда они проезжали Удаокоу, сердце Чжун Кайфаня сжалось. Здесь всё изменилось до неузнаваемости. Новые высотки стояли рядами, дороги пересекались, и было видно много иностранных студентов.

Он помнил, как они с Чжун Цанем и Линь Юанем часто приходили сюда перекусить.

— Скоро приедем, — голос Сяо Чжэна вернул Чжун Кайфаня к реальности.

Чжун Динхэн в душе был человеком книги и не любил чрезмерной помпезности. Он понимал, что высокое дерево привлекает ветер, и старался быть как можно более скромным. Машина замедлила ход, въезжая в жилой комплекс, и остановилась у отдельного особняка.

Снаружи он не выглядел слишком вычурным.

Сяо Чжэн обратился к водителю:

— Пожалуйста, позже занесите багаж.

— Хорошо, — водитель кивнул.

Чжун Кайфань давно не был в этом доме. Интерьер был почти таким же, как раньше. Тёмно-коричневая лестница извивалась вверх, общий вид был простым, но солидным. Телевизор и диван в гостиной были заменены.

— Мистер Чжун в кабинете, — напомнил Сяо Чжэн.

Чжун Кайфань кивнул, машинально огляделся. Сяо Чжэн понял его без слов:

— Сегодня мадам нет дома.

Его взгляд на мгновение затуманился. Тёмно-коричневая деревянная дверь казалась особенно тяжёлой.

Чжун Кайфань постучал и вошёл. Свет был слишком ярким, он инстинктивно прикрыл глаза, услышав знакомый, но старческий голос:

— Кайфань, ты вернулся?

Кабинет был безупречно чист. Чжун Динхэн сидел в кресле за столом, на котором стоял цветок диффенбахии. В воздухе чувствовался лёгкий аромат чая Билочунь.

— Папа, — Чжун Кайфань опустил глаза.

На руке Чжун Динхэна была капельница. Медсестра, закончив снимать иглу, показала, что может выйти.

— Садись, — Чжун Динхэн слегка поднял подбородок. Сегодня он был одет в китайскую хлопковую рубаху, что делало его более приветливым.

Чжун Кайфань сел на диван напротив. Его глаза были ясными, и, увидев, что отец в хорошем состоянии, он слегка расслабился.

— Сегодня мы одни, — Чжун Динхэн внимательно смотрел на сына. Внешность его, конечно, была безупречной, но в нём появилась какая-то отстранённость.

— Вам лучше? — Хотя он ненавидел, когда его жизнь контролируют, он всё же сохранял базовое уважение к отцу.

Чжун Динхэн покрутил шеей, его голос был расслабленным:

— Старые болячки.

Он усмехнулся:

— Пей чай.

— Вы должны беречь себя. Если всё в порядке, я не задержусь в Пекине надолго.

Правая бровь Чжун Динхэна слегка поднялась:

— Только что приехал в Пекин, даже не успел нормально поесть, а уже говоришь об этом.

Чжун Кайфань промолчал.

На самом деле его чувства к отцу были сложными. С одной стороны, он уважал его, с другой — презирал и ненавидел.

Чжун Динхэн, видя отстранённость сына, с грустью сказал:

— Не знаю, смогу ли я проснуться в следующий раз, когда заболею, чтобы увидеть тебя.

Медицинский персонал постучал в дверь:

— Мистер Чжун, пора принимать лекарства.

— Подождите немного.

Только тогда Чжун Кайфань понял, что ради встречи с ним Чжун Динхэн специально выписался из больницы раньше времени.

Его сердце не могло не тронуться.

Но этот дом, вероятно, не мог принять его, и он сам не мог переступить через свои принципы.

— Остаюсь дома на ночь.

— Нет, — Чжун Кайфань инстинктивно отказался. Он боялся увидеть вещи, связанные с Чжун Цанем, и столкнуться с мачехой Чэнь Ли. Он до сих пор помнил, как она в тот момент была в ярости, готовая разорвать его на части.

Если бы смерть могла вернуть Чжун Цаня, он бы на всё согласился.

— У папы теперь только ты один сын...

Эти слова стали смертельным ударом, точно попавшим в самое мягкое место сердца Чжун Кайфаня, оставляя ему некуда отступить.

— Старость делает сердце мягче. В последнее время я часто вспоминаю твое детство, сынок. Папа чувствует себя виноватым. На самом деле тётя Чэнь тоже понимает, что в смерти Сяо Цаня нельзя винить только тебя. Но ты должен понять, что в этом мире, кроме любви, есть ещё

и ненависть, которая может поддерживать человека, — голос Чжун Динхэна дрожал, хотя он изо всех сил старался сохранять осанку, но выглядел несколько сгорбленным. — Ты нужен мне, Кайфань.

— Какие у вас условия? — Чжун Кайфань дотронулся до чашки, вода уже стала тёплой.

— Условия? — Чжун Динхэн рассмеялся, будто услышал что-то смешное. — Мое условие — отсутствие условий.

— Мне нравится моя работа, и я скоро закончу учёбу.

— Я могу подождать, пока ты получишь диплом. Но ты должен понимать, что если возьмёшь на себя управление компанией Чжун, тебе придётся начать всё с нуля, разрушив свои прежние представления.

Чжун Кайфань поднял голову и впервые в своём величественном отце увидел беспомощность старости. Он сделал максимальную уступку:

— Если всё пойдёт хорошо, я хочу нанять профессионального управляющего.

<http://bllate.org/book/16849/1550324>